

Институт археологии и этнографии СО РАН
пр. Акад. Лаврентьева, 17, Новосибирск, 630090, Россия
E-mail: novikov@archaeology.nsc.ru

ПОГРЕБАЛЬНАЯ ОБРЯДНОСТЬ МОГИЛЬНИКА ТАШАРА-КАРЬЕР-2 *

В статье впервые анализируется погребальная обрядность курганного могильника Ташара-Карьер-2. Могильник относится к середине XI – началу XIII в. н. э. и является одним из опорных памятников басандайской культуры южнотаежного Приобья. В работе определяются общие и специфические черты погребальной обрядности могильника в рамках басандайской культуры, приводится их этнокультурная интерпретация.

Ключевые слова: южнотаежное Приобье, средневековье, могильник, погребальная обрядность, оружие, конское снаряжение, украшения.

В последних веках I тыс. н. э., а наиболее интенсивно с рубежа I и II тыс. н. э., происходило массовое проникновение тюркоязычного населения в лесостепное и южнотаежное Приобье. В данном регионе начиная с V в. н. э. существовал ареал верхнеобской культуры с постепенным внедрением в него отдельных элементов, а затем и носителей сrostкинских культурных традиций [Троицкая, Новиков, 1998]. В результате в начале II тыс. н. э. это привело к формированию в регионе эклектичной этнокультурной картины с наличием «постверхнеобских», «постсrostкинских» и новых (басандайских) культурных элементов. Одним из опорных памятников басандайской культуры является курганный могильник Ташара-Карьер-2 (далее ТК-2). Памятник исследовался автором в 1998–2000 гг., его материалы введены в научный оборот [Новиков, 1998а; 1998б; 2000; Савинов и др., 2008; Новиков, Тишкин, 2010; Троицкая, Новиков, 2004. С. 114–117, 121. Рис. 47, 48]. Однако ранее анализ погребальной обрядности могильника не был представлен в публикациях. В данной работе впервые публикуются и

анализируются материалы по погребальной обрядности этого некрополя.

Могильник расположен в Мошковском районе Новосибирской области, в 2 км к ЮЗ от с. Ташара, вдоль края первой террасы правого берега Оби. Этот регион представляет собой границу таежной и лесостепной зон Приобья [Абрамович и др., 1963. С. 179]. Его своеобразие заключается в том, что здесь проявляется сочетание двух важных ландшафтных факторов, определяющих интенсивность этнокультурного взаимодействия и взаимовлияния. Во-первых, это зона контакта тайги и лесостепи; во-вторых, зона «пронизана» руслом течения Оби – транспортной артерией, связывающей различные ландшафтные зоны Западной Сибири. Именно вдоль течения Оби процессы распространения новых культурных традиций в меридиональном направлении шли наиболее интенсивно. В этом смысле Обь можно рассматривать как некий мощный природный «катализатор» культурогенетических процессов в Западной Сибири в древности [Павлинская, 2007. С. 38; Савинов и др., 2008. С. 4].

* Работа выполнена в рамках ГК № 14.740.11.0766 ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России».

Таким образом, могильник ТК-2 расположен в зоне этнокультурного фронта, что и определяло своеобразие облика культур этого региона и интенсивность изменений их черт. В результате именно в таком маргинальном ландшафтно-культурном регионе межэтнические контакты происходили с наибольшей интенсивностью. Это, безусловно, наложило отпечаток и на характеристику основных черт басандайской культуры и, в частности, ее погребальной обрядности, которая во многом имеет синкретичный характер.

Современные рельефные признаки памятника были представлены 17 курганными насыпями различной формы, размерности и сохранности (не исключено, что насыпей было больше, но они оказались разрушены обрывом террасы и распашкой), расположенными двумя параллельными рядами вдоль линии берега. Могильник на момент обнаружения находился в аварийном состоянии – часть насыпей была уже частично

разрушена обрывом берега, остальные оказались под угрозой разрушения. Большинство насыпей нарушено при ограблении. Протяженность площади памятника составила 197,5 м, максимальная ширина площади памятника – 37 м.

Основные параметры конструктивных особенностей насыпей могильника представлены в табл. 1.

По форме и метрическим параметрам на некрополе можно выделить три типа насыпей.

Тип I, округлые – 7 насыпей (высота от 0,3 до 0,75 м). Количество погребений под насыпью – 1–2. Одна насыпь без погребения.

Тип II, незначительно вытянутые (овальные) – 6 насыпей (высота от 0,3 до 0,6 м). Количество погребений под насыпью – 1–4. Одна насыпь без погребения.

Тип III, значительно вытянутые (длина в 2 и более раз превышает ширину) – 4 насыпи (высота от 0,33 до 0,9 м). Количество погребений под насыпью – 1–9.

Таблица 1

Характеристика насыпей

№	Размеры насыпей (м)	Высота от уровня дневной поверхности (м)	Количество погребений под насыпью	Ров	Ямы на уровне материка	Проколы в насыпи	Остатки деревянных конструкций, береста
1	10–9	0,4	1	+	–	–	+
2	11	0,75	1	–	–	+	–
3	17 × 6,5	0,9	8	–	+	+	+
4	25 × 7	0,52–0,86	9	–	–	+	+
5	8,7 × 6	0,6	3	–	–	+	+
6	10,8 × 6	0,6	6	–	–	+	–
7	7	0,3	1	–	–	+	–
8	8	0,37	2	–	–	+	+
9	8	0,6	1	–	–	+	–
10	9,5 × 7,5	0,6	4	–	–	+	+
11	12 × 4,5–6	0,33	1	–	–	+	+
12	10 × 8	0,4	нет	–	–	–	–
13	9	0,54	нет	–	+	+	+
14	6,5 × 5	0,4	2	–	–	–	–
15	8–8,5	0,5	2	–	–	+	–
16	7 × 3	0,37	1	–	+	+	–
17	7 × 4	0,3	1	–	–	+	–

Следы деревянных надмогильных конструкций в виде обгоревших плашек различных размеров зафиксированы в большинстве насыпей. Однако далеко не всегда их сохранность позволяет что-либо сказать о конструктивных особенностях надмогильных сооружений. Лучше всего сохранилось надмогильное перекрытие в виде продольно расположенных деревянных не обгоревших плах над погребением № 6 «а» в кургане 3 и следы деревянных надмогильных конструкций в курганах 4 и 11. Судя по сохранившемуся остаткам, надмогильные сооружения представляли собой прямоугольные деревянные рамы, перекрытые внутри плашками, размером приблизительно 3 × 3 или 4,5 × 4,5 м.

В случае если под одной насыпью обнаружено несколько погребений, они располагались в ряд, ориентированный вдоль продольной оси насыпи. Основные параметры конструктивных особенностей могильных ям представлены в табл. 2.

В тех случаях, когда удалось зафиксировать контур могильной ямы, углубленной в материк, все они продольной осью были ориентированы по линии ЮЗ – СВ.

Из 44 исследованных погребений 7 погребений (15,9 %) совершены выше уровня материка, 1 (2,27 %) зафиксировано на уровне материка, 13 (29,5 %) незначительно углублены в материк (до 0,1 м), 14 (31,8 %) углублены в материк от 0,1 до 0,3 м, 9 погребений (20,4 %) углублены в материк

Таблица 2

Характеристика могильных ям

№	Погребение	Размеры (м)	Глубина от уровня материка (м)	Форма	Примечания
1	К. 1, п. 1	2,3 × 0,6	0,4–0,55	Овальная	
2	К. 2, п. 1	2,4 × 0,75	0,5	Овальная	
3	К. 3, п. 1	Контур не фиксируется	На уровне	?	
4	К. 3, п. 2	1 × 0,5	0,04–0,05	Подпрямоугольная	
5	К. 3, п. 3	2,75 × 0,75–0,9	0,3	Овальная	На дне крупные камни (постамент?)
6	К. 3, п. 4	?	Выше	?	
7	К. 3, п. 5	2 × 0,6	0,27	Подпрямоугольная	
8	К. 3, п. 6 а	2,2 × 0,5–0,6	0,1	Подпрямоугольная	Рядом погребение с конем (б «б»). Деревянное перекрытие 2 × 0,8–0,65 м, под ним береста
9	К. 3, п. 7	1,5 × 0,6	0,1	Подпрямоугольная	Под скелетом деревянная плашка
10	К. 3, п. 8	2,75 × 0,75	0,45	Овальная	
11	К. 4, п. 1	1,2 × 0,45	0,32	Овальная	
12	К. 4, п. 2	1,15 × 0,5	0,12	Овальная	
13	К. 4, п. 3	1 × 0,4–0,75	0,07	Неправильная	
14	К. 4, п. 4	2 × 0,65	0,37	Подпрямоугольная	Уступы по длинным стенкам, на скелете продольная деревянная плашка, под скелетом поперечные деревянные плашки
15	К. 4, п. 5	2,4 × 0,8	0,3	Подпрямоугольная	
16	К. 4, п. 6	1,85 × 0,6	0,51	Подпрямоугольная	На скелете береста
17	К. 4, п. 7	0,56 × 0,95	0,3	Овальная	На скелете береста

Окончание табл. 2

№	Погребение	Размеры (м)	Глубина от уровня материка (м)	Форма	Примечания
18	К. 4, п. 8	2,4 × 0,57	0,3	Овальная	На скелете береста
19	К. 4, п. 9	1,15 (сохр.) × 0,7	0,1	Овальная (?)	Частично разрушено, на скелете береста, угли
20	К. 5, п. 1	1,23 × 0,45	0,1	Овальная	
21	К. 5, п. 2	?	Выше	?	
22	К. 5, п. 3	2,05 × 0,7-0,9	0,08–0,9	Подпрямоугольная	
23	К. 6, п. 1	1,15 × 0,55	0,1	Овальная	Над скелетом береста
24	К. 6, п. 2	2,2 × 0,85	0,1	Подпрямоугольная	На скелете и под ним береста, под черепом поперечная деревянная плашка
25	К. 6, п. 3	0,75 × 0,4	0,08	Неправильная	Под берестой скелета не обнаружено (младенец, кенотаф?)
26	К. 6, п. 4	2,5 × 0,6	0,38	Подпрямоугольная	
27	К. 6, п. 5	1,35 × 0,6	0,15	Подпрямоугольная	Вдоль длинных стенок деревянные плашки
28	К. 6, п. 6	?	Выше	?	
29	К. 7, п. 1	2,6 × 1,1	0,1	Неправильная	Стенки наклонные
30	К. 8, п. 1	2,4 × 0,95	0,24–0,13	Овальная	Частично разрушено ямой
31	К. 8, п. 2	2,67 × 0,7	0,27	Подпрямоугольная	На скелете обгоревшая береста, над погребением прокал
32	К. 9, п. 1	2,15 × 0,75	0,2	Подпрямоугольная	Стенки наклонные
33	К. 10, п. 1	1,3 × 0,45	0,39	Подпрямоугольная	Вдоль стен и на дне обгорелые плашки и мелкие угли
34	К. 10, п. 2	1,35 × 0,5	0,27	Подпрямоугольная	
35	К. 10, п. 3	?	Выше	?	
36	К. 10, п. 4	2,35 × 1,3	0,37–0,47	Подпрямоугольная	На дне крупные камни
37	К. 11, п. 1	2,7 × 0,65	0,1	Подпрямоугольная	На скелете и под ним деревянные плашки. Под скелетом крупные камни
38	К. 14, п. 1	?	Выше	?	На скелете частично обгоревшие деревянные плашки перекрытия, под скелетом береста
39	К. 14, п. 2	?	Выше	?	
40	К. 15, п. 1	?	Выше	?	
41	К. 15, п. 2	2,1 × 0,7–0,5	0,14–0,18	Овальная	
42	К. 16, п. 1	2,4 × 0,65	0,27	Подпрямоугольная	
43	К. 17, п. 1	1,2 × 0,5	0,05	Овальная	На скелете береста
44	К. 17, п. 2	1,45 (сохр.) × 0,65	0,15	Подпрямоугольная	На скелете береста

от 0,3 до 0,55 м. В погребениях, совершенных выше и на уровне материка, похоронены преимущественно дети (пять детей и трое взрослых – мужчина и две женщины). Корреляции глубины погребения с возрастом погребенного не установлено. Самое глубокое погребение зафиксировано в кургане 1 (погребение «кузнеца»).

В 11 погребениях (25 %) на скелетах погребенных были обнаружены фрагменты бересты разной степени сохранности, в одном случае береста зафиксирована и под скелетом. Поэтому точно сказать, заворачивали умерших в бересту или только покрывали ею, невозможно.

Во всех насыпях, кроме № 1, 12, 14, зафиксированы прокалы. Однако установить, на какой стадии погребально-поминальной обрядности использовался огонь, затруднительно, кроме 2 случаев (курган 8, погребение № 2 и курган 10, погребение № 1), когда угли, обгорелые плашки внутримогильных конструкций и обгорелая береста обнаружены непосредственно в могильных ямах.

Основные параметры, характеризующие погребения могильника, представлены в табл. 3.

В исследованных погребениях некрополя было похоронено 25 взрослых (7 мужчин, 12 женщин, 6 – пол не установлен) и 19 детей

Таблица 3

Характеристика погребений

№	Погребение	Пол	Возраст	Поза погребенного	Ориентация черепа
1	К. 1, п. 1	М	45–50	На спине в вытянутом положении, левая кисть на тазовых костях	СВ
2	К. 2, п. 1	Ж	35–40	На спине в вытянутом положении	СВ
3	К. 3, п. 1	?	Ребенок	На спине в вытянутом положении	СВ
4	К. 3, п. 2	?	Ребенок	На спине	СВ
5	К. 3, п. 3	Ж	30–35	На спине	СВ
6	К. 3, п. 4	?	Младенец	?	?
7	К. 3, п. 5	Ж	30–35	На спине, левая кисть вытянута вдоль туловища, правая – на тазе	СВ
8	К. 3, п. 6 «а»	М (?)	Взрослый	На спине в вытянутом положении	СВ
9	К. 3, п. 7	Ж	16–18	На спине в вытянутом положении	СВ
10	К. 3, п. 8	М	40–45	На спине в вытянутом положении	СВ
11	К. 4, п. 1	?	Ребенок	На спине	СВ
12	К. 4, п. 2	?	Ребенок	На спине	СВ
13	К. 4, п. 3	?	Ребенок	?	СВ
14	К. 4, п. 4	Ж	35–40	На спине	СВ
15	К. 4, п. 5	М	25–30	На спине, кости кистей рук заходят под кости таза	СВ
16	К. 4, п. 6	?	Взрослый	На спине, в вытянутом положении	СВ
17	К. 4, п. 7	?	Младенец	На спине, в вытянутом положении	СВ
18	К. 4, п. 8	?	Взрослый	На спине	СВ
19	К. 4, п. 9	?	Ребенок	?	СВ
20	К. 5, п. 1	?	Ребенок	На спине	В
21	К. 5, п. 2	?	Ребенок	?	?
22	К. 5, п. 3	Ж	45–50	?	СВ
23	К. 6, п. 1	?	Ребенок	На спине	СВ
24	К. 6, п. 2	Ж	45–50	На спине	СВ
25	К. 6, п. 3	?	Младенец (?)	?	?
26	К. 6, п. 4	М	30 - 35	?	?

Окончание табл. 3

№	Погребение	Пол	Возраст	Поза погребенного	Ориентация черепа
27	К. 6, п. 5	?	Ребенок	?	СВ
28	К. 6, п. 6	?	Ребенок	?	?
29	К. 7, п. 1	?	Взрослый	?	?
30	К. 8, п. 1	Ж	20–25	?	?
31	К. 8, п. 2	?	Взрослый	На спине, ноги слегка подогнуты влево	СВ
32	К. 9, п. 1	Ж	45–50	На спине	СВ
33	К. 10, п. 1	?	Ребенок	?	СВ
34	К. 10, п. 2	?	Ребенок	На спине	СВ
35	К. 10, п. 3	?	Ребенок	?	СВ
36	К. 10, п. 4	?	Младенец?	?	?
37	К. 11, п. 1	М	25–30	На спине	СВ
38	К. 14, п. 1	М	40–45	На спине, в вытянутом положении	СВ
39	К. 14, п. 2	Ж	18–20	?	?
40	К. 15, п. 1	Ж	30–35	?	?
41	К. 15, п. 2	Ж	20–25	На спине	СВ
42	К. 16, п. 1	?	Взрослый	?	?
43	К. 17, п. 1	?	Младенец	?	СВ
44	К. 17, п. 2	?	Взрослый	На спине	СВ

различного возраста. Половозрастные данные установлены, в основном, по антропологическим признакам¹. Однако в одном случае пол установлен гипотетически (кости скелета сохранились очень плохо). Так, судя по обилию воинского снаряжения, в погребении № 6 «а» кургана 3 был погребен взрослый мужчина.

Все погребения индивидуальны. Под отдельными насыпями мужчины погребены в двух случаях (№ 1, 11), женщины – в четырех случаях (№ 2, 9, 15 – 2 погребения), дети – в одном случае (№ 10 – 4 погребения). В насыпях № 7, 16 обнаружено по одному погребению взрослых, пол которых не установлен. Под насыпями № 3–6, 8, 14 погребены мужчины, женщины и дети. Под насыпями № 12 и 13 погребений не обнаружено. Таким образом, на могильнике преобладают насыпи с неоднократным подзахоронением разнополых и разновозрастных умерших. Количественные показатели по полу и возрасту погребенных представлены в табл. 4.

¹ Половозрастные определения погребенных в могильнике ТК-2 сделаны канд. ист. наук Д. В. Поздняковым [2008. С. 345–346, 390–402].

Характер положения умерших, учитывая плохую сохранность костей и разрушение могил, удалось зафиксировать далеко не во всех исследованных погребениях. Преимущественное положение погребенных – на спине, с вытянутыми вдоль туловища руками.

В целом из 44 погребений некрополя ориентация головы погребенного была достоверно установлена в 32 случаях, при этом в 31 случае (72,7 % от общего количества погребений, 96,9 % от установленных) ориентация головы была на СВ (с небольшими отклонениями), а в одном случае погребенный был ориентирован головой на В. Таким образом, из всех рассмотренных нами признаков погребальной обрядности могильника данный признак (ориентация головы погребенного на СВ) является наиболее стабильным.

Перечень находок в насыпях и погребениях могильника ТК-2 представлен в табл. 5.

Основная часть погребений имеет сопроводительный инвентарь, из 44 исследованных погребений некрополя лишь 7 (15,9 %) были безынвентарными (все они детские). Наибольшую частоту встречаемости имеют

различные украшения (бусы, подвески из различных материалов, бисер), серьги, наконечники стрел, железные ножи. Приведенный набор сопроводительного инвентаря можно назвать типичным в целом для погребений ташаринского некрополя. Реже встречаются керамика, тесла-мотыжки, игральные кости, предметы поясной фурнитуры. Обнаружены и уникальные находки (например, сердоликовый кабошон-печатка с гравированной в зеркальном изображении арабской надписью, бронзовое зеркало и др.).

Ассортимент находок в погребениях явно диссонирует с ассортиментом находок из насыпей. Несмотря на то, что практически в каждой насыпи находки имелись, они значительно беднее по ассортименту и представляют собой разрозненные кости животных (часто – лошади), фрагменты керамики, небольшие камни. Если в насыпях и были обнаружены какие-либо индивидуальные находки, то их появление там связано с ограблением могил (они и обнаружены чаще всего в районе грабительских ям). Лишь в двух случаях обнаружены преднамеренно

положенные в насыпь предметы: для кургана 1 – кузнечные клещи, а кургана 2 – набор предметов конской упряжи.

Поскольку любой погребальный комплекс делит пространство на «тот» и «этот» миры, а погребально-поминальная обрядность в целом предполагает действия «до», «во время» и «после» погребения умершего (см., например: [Смирнов, 1997. С. 23–30]), то находки, сделанные в погребениях, связываются нами с тафологическими действиями, а находки, обнаруженные в насыпях – с мнемологическими. Тот факт, что инвентарь из насыпей в исследованном некрополе по своему ассортименту явно беднее, чем из погребений, дает основания предполагать, что система мнемологических представлений и обрядовых действий носителей басандайской культуры, отразившаяся в количестве и ассортименте находок в насыпях, была недостаточно развитой и продолжительной в сравнении с тафологическими действиями.

Корреляция ассортимента находок в погребениях с полом и возрастом погребенных отражена в табл. 6–8.

Таблица 4

Количественные показатели насыпей могильника ТК-2 по полу и возрасту погребенных

№ насыпи	Количество погребений под насыпью	Мужчина (количество погребений)	Женщина (количество погребений)	Пол не определен (взрослые)	Ребенок / младенец (количество погребений)
1	1	1	нет	нет	нет
2	1	нет	1	нет	нет
3	8	2	3	нет	3
4	9	1	1	2	5
5	3	нет	1	нет	2
6	3	1	1	нет	4
7	1	?	?	1	нет
8	2	?	1	1	нет
9	1	нет	1	нет	нет
10	4	нет	нет	нет	4
11	1	1	нет	нет	нет
14	2	1	1	нет	нет
15	2	нет	2	нет	нет
16	1	?	?	1	нет
17	1	?	?	1	1

Таблица 5

Находки в насыпях и погребениях могильника ТК-2

№ насыпи	Находки в насыпях	Находки в погребениях
1	Клещи, разрозненные кости животных, фрагменты деревянных обгоревших плашек	Погребение № 1: железные мотыжка, пряжка, наконечники стрел (6 экз.), неопределимые железные фрагменты
2	Скопление предметов конской упряжи – железные стремяна (2 экз.), удила с псалиями, роговая пряжка с железным язычком, кольца; тальк; железная мотыжка; бусы из прозрачного стекла (4 экз.); разрозненные кости животных, челюсти лошадей, астрагалы	Погребение № 1: бронзовая пряжка, бронзовые якоревидные застёжки, бронзовая серьга в виде кольца, серьга с лазуритовым диском, пулевидная подвеска из белого металла, бусы из сердолика и горного хрусталя, крупный кристалл горного хрусталя, перламутровые и лазуритовые подвески, бронзовое зеркало, сердоликовый кабошон, железный нож, железные наконечники стрел (2 экз.)
3	Разрозненные кости животных, фрагменты керамики и один сосуд в развале, остатки обгоревших деревянных плах	<p>Погребение № 1: находок нет</p> <p>Погребение № 2: кость животного, пастовая подвеска, бусина</p> <p>Погребение № 3: керамический сосуд, трубчатая кость с гравировкой, серьги (2 экз.), два сильно коррозированных фрагмента железных изделий</p> <p>Погребение № 4: находок нет</p> <p>Погребение № 5: костяное пряслице, сердоликовые бусины (4 экз.), перламутровая подвеска, подвеска из черного непрозрачного камня, костяная ложка, небольшой камень (точило?), железный нож, мотыжка</p> <p>Погребение № 6 «а»: железный панцирный доспех очень плохой сохранности, железная сабля (палаш?) в деревянных ножнах, бронзовая четырехлепестковая бляшка-подвеска, керамический сосуд, бронзовая серьга, фрагмент венчика сосуда</p> <p>Погребение № 6 «б»: стремяна – железное и костяная петля-накладка на стремя, железные кольчатые удила, круглая роговая бляха</p> <p>Погребение № 7: железный нож, развал керамического сосуда</p> <p>Погребение № 8: Г-образный камень желтого полупрозрачного цвета (янтарь?), железная пряжка, железный нож</p>
4	Разрозненные кости животных, череп лошади; фрагменты керамики; крупные камни	<p>Погребение № 1: стеклянные золоченые бусины (6 экз.), лазуритовые граненые бусины (2 экз.), лазуритовые подвески (3 экз.), перламутровые подвески (2 экз.), подвеска из синего стекла, бронзовые серьги в виде колец (2 экз.), железный нож</p> <p>Погребение № 2: бронзовые серьги (2 экз.)</p> <p>Погребение № 3: бронзовые бляшки (2 экз.)</p> <p>Погребение № 4: перламутровые подвески (3 экз.), лазуритовая подвеска, лазуритовый диск с отверстием (подвеска для серьги), лазуритовая подвеска ромбовидной формы, от другого лазуритового изделия осталась только рассыпавшаяся крошка</p>

Продолжение табл. 5

№ насыпи	Находки в насыпях	Находки в погребениях
		Погребение № 5: находок нет Погребение № 6: железный нож Погребение № 7: находок нет Погребение № 8: крученые пастовые бусины (2 экз.) и набор разноцветного бисера Погребение № 9: бронзовая серьга в виде кольца
5	Разрозненные кости животных, череп лошади, развал сосуда и целый сосуд, железные наконечники стрел, перламутровая подвеска, остатки сгоревших деревянных плашек	Погребение № 1: перламутровые подвески (2 экз.), игральные бабки (4 экз.), железное изделие плохой сохранности (нож?) Погребение № 2: фрагменты перламутра и перламутровое изделие в виде пластины-накладки Погребение № 3: перламутровые подвески (4 экз.)
6	Фрагмент точила, фрагменты керамики	Погребение № 1: находок нет Погребение № 2: бронзовая поясная пряжка, бронзовые поясных якоревидные застёжки (2 экз.), массивные перламутровые пластины (2 экз.), 2 бронзовые серьги в виде несомкнутых колец, железный нож, два фрагмента керамики Погребение № 3: находок нет Погребение № 4: костяные наконечники стрел (2 экз.), железные наконечники стрел (2 экз.), фрагмент костяной накладки с отверстиями Погребение № 5: железный наконечник стрелы, железный нож, альчики (3 экз.) Погребение № 6: находок нет
7	Разрозненные кости животных, небольшие камни	Погребение № 1: наконечник стрелы или ножа (фрагмент), ромбические лазуритовые подвески (3 экз.)
8	Подвеска в виде круглого диска с отверстием (выброс из погребения?)	Погребение № 1: лазуритовая подвеска, перламутровая подвеска, бронзовая серьга в виде кольца. Погребение № 2: глиняная льячка, бронзовые полусферические бляшки (6 экз.), железный нож, железные пластинчатые крючки с кольцами – поножи, обломки бронзовой серьги и целая серьга в виде кольца, плоская бусина из синего стекла
9	Фрагменты керамики, разрозненные кости животных и их скоплений, камни со следами сработанности	Погребение № 1: железный наконечник стрелы, железные пряжки-крючки (2 экз.)
10	Разрозненные кости животных, фрагменты керамики, железные удила, каменные оселки (2 экз.)	Погребение № 1: бронзовые серьги в виде несомкнутых колец (2 экз.), пластинчатые перламутровые подвески (4 экз.), бронзовый бубенчик, раковина каури, железный нож Погребение № 2: бронзовых серьги в виде несомкнутых колец с надетыми на них лазуритовыми дисками (2 экз.), бронзовые бубенчики (3 экз.), железный нож с остатками деревянных ножен, бусы стеклянные 2-х типов: шарообразные и двойные, восьмеркообразные (более 80 экз.), сердоликовые бипирамидальные бусы (4 экз.), лазуритовые ромбические подвески (4 экз.), перламутровые пла-

№ насыпи	Находки в насыпях	Находки в погребениях
		<p>стинчатые подвески подтреугольной и ромбической формы (4 экз.), бронзовые бусины (2 экз.), миниатюрный бронзовый бубенчик, бронзовая полусферическая бляшка-нашивка, бронзовые серьги с лазуритовыми дисками (2 экз.), неорнаментированный фрагмент керамики</p> <p>Погребение № 3: альчики (3 экз.), перламутровая пластина</p> <p>Погребение № 4: находок нет</p>
11	Разрозненные кости животных, камни со следами сработанности, фрагменты керамики	Погребение № 1: костяные наконечники стрел (3 экз.), железные наконечники стрел (4 экз.), накладки на лук – концевая и серединная
12	Разрозненные кости и зубы лошади, фрагменты неорнаментированной керамики, развал сосуда, крупные камни	Погребение не зафиксировано
13	Разрозненные кости животных, череп лошади, угли, фрагменты керамики, целый круглодонный керамический сосуд, стоящий вверх дном	Погребение не зафиксировано
14	Единичные кости животных, фрагменты керамики, человеческий позвонок, фрагмент каменного изделия, железные наконечники стрел (2 экз.), концевая накладка на лук (скорее всего, перечисленные находки имеют отношение к ограбленному погребению № 2)	<p>Погребение № 1: железные сабля, тесло, нож, пряжка, втульчатое изделие, кресало и два кремня, железные круглые пряжки (2 экз.), железные (4 экз.) и костяные (2 экз.) наконечники стрел</p> <p>Погребение № 2: железный нож, кресало, железные мотыжка и наконечник стрелы, фрагменты костяной пластины</p>
15	Разрозненные кости животных, фрагменты керамики, крупные плоские камни	<p>Погребение № 1: круглая перламутровая бляшка, железный нож</p> <p>Погребение № 2: железные наконечники стрел (4 экз.), железное кресало, топор-тесло, железный нож, костяная пряжка, железная пряжка, костяные накладки на лук (2 экз.)</p>
16	Предметы XIX–XX вв. из охотничьей избушки	Погребение № 1: плоские сердоликовые бусины (2 экз.), бипирамидальные шестигранные сердоликовые бусины с инкрустированным белой краской орнаментом (2 экз.), бипирамидальная сердоликовая бусина без орнамента, лазуритовая подвеска, мелкие бусины из стекловидной пасты (4 экз.), неопределенный мелкий фрагмент железного изделия
17	Разрозненные кости животных, фрагменты керамики	<p>Погребение № 1: плоские овальные бусины (3 экз.), цилиндрические подвески (2 экз.), перламутровые пластины (2 экз.)</p> <p>Погребение № 2: плоские овальные бусины (3 экз.), цилиндрическая бусина</p>

Таблица 6

Находки в погребениях взрослых мужчин

№	Объект	Находки
1	К. 1, п. 1	Железные мотыжка, пряжка, наконечники стрел (6 экз.), неопределимые железные фрагменты
2	К. 3, п. 6 «а»	Железный панцирный доспех очень плохой сохранности, железная сабля (палаш?) в деревянных ножнах, бронзовая четырехлепестковая бляшка-подвеска, керамический сосуд, бронзовая серьга, фрагмент венчика сосуда
3	К. 3, п. 8	Г-образный камень желтого полупрозрачного цвета (янтарь?), железные пряжка и нож
4	К. 4, п. 5	Находок нет
5	К. 6, п. 4	Костяные наконечники стрел (2 экз.), железные наконечники стрел (2 экз.), фрагмент костяной накладки с отверстиями
6	К. 11, п. 1	Костяные наконечники стрел (3 экз.), железные наконечники стрел (4 экз.), накладки на лук – концевая и серединная
7	К. 14, п. 1	Железные сабля, мотыжка-тесло, нож, пряжка, втульчатое изделие, кресало и два кремня, железные круглые пряжки (2 экз.), железные (4 экз.) и костяные (2 экз.) наконечники стрел

Таблица 7

Находки в погребениях взрослых женщин

№	Объект	Находки
1	К. 2, п. 1	Бронзовые пряжка, якоревидные застёжки, зеркало, бронзовая серьга в виде кольца, серьга с лазуритовым диском, пулевидная подвеска из белого металла, бусы из сердолика и горного хрусталя, крупный кристалл горного хрусталя, перламутровые и лазуритовые подвески, сердоликовый кабошон, железные нож и два наконечника стрел
2	К. 3, п. 3	Керамический сосуд, трубчатая кость с гравировкой, серьги (2 экз.), два сильно коррозированных фрагмента железных изделий
3	К. 3, п. 5	Костяное пряслице, 4 сердоликовые бусины, перламутровая подвеска, подвеска из черного непрозрачного камня, костяная ложка, небольшой камень (точило?), железные нож и мотыжка
4	К. 3, п. 7	Железный нож, развал керамического сосуда
5	К. 4, п. 4	Перламутровые подвески (3 экз.), лазуритовая подвеска, лазуритовый диск с отверстием (подвеска для серьги), лазуритовая подвеска ромбовидной формы, рассыпавшаяся лазуритовая крошка
6	К. 5, п. 3	Перламутровые подвески (4 экз.)
7	К. 6, п. 2	Бронзовые поясная пряжка, поясные якоревидные застёжки (2 экз.), две серьги в виде несомкнутых колец, массивные перламутровые пластины (2 экз.), железный нож, два фрагмента керамики
8	К. 8, п. 1	Лазуритовая подвеска, перламутровая подвеска, бронзовая серьга в виде кольца
9	К. 9, п. 1	Железные наконечник стрелы и пряжки-крючки (2 экз.)
10	К. 14, п. 2	Железные нож, кресало, мотыжка, наконечник стрелы, фрагменты костяной пластины
11	К. 15, п. 1	Круглая перламутровая бляшка, железный нож
12	К. 15, п. 2	Железные наконечники стрел (4 экз.), кресало, топор-тесло, нож, пряжка, костяные пряжка и накладки на лук (2 экз.)

Таблица 8

Находки в погребениях детей

№	Объект	Находки
1	К. 3, п. 1	Находок нет
2	К. 3, п. 2	Кость животного, пастовая подвеска, бусина
3	К. 3, п. 4	Находок нет
4	К. 4, п. 1	Стеклянные золоченые бусины (6 экз.), лазуритовые граненые бусины (2 экз.), лазуритовые подвески (3 экз.), перламутровые подвески (2 экз.), подвеска из синего стекла, бронзовые серьги в виде колец (2 экз.), железный нож
5	К. 4, п. 2	Бронзовые серьги (2 экз.)
6	К. 4, п. 3	Бронзовые бляшки (2 экз.)
7	К. 4, п. 7	Находок нет
8	К. 4, п. 9	Бронзовая серьга в виде кольца
9	К. 5, п. 1	Перламутровые подвески (2 экз.), игральные бабки (4 экз.), железное изделие плохой сохранности (нож?)
10	К. 5, п. 2	Фрагменты перламутра и перламутровое изделие в виде пластины-накладки
11	К. 6, п. 1	Находок нет
12	К. 6, п. 3	Находок нет
13	К. 6, п. 5	Железный наконечник стрелы, железный нож, альчики (3 экз.)
14	К. 6, п. 6	Находок нет
15	К. 10, п. 1	Бронзовые серьги в виде несомкнутых колец (2 экз.), пластинчатые перламутровые подвески (4 экз.), бронзовый бубенчик, раковина каури, железный нож
16	К. 10, п. 2	Бронзовых серьги в виде несомкнутых колец с надетыми на них лазуритовыми дисками (2 экз.), бубенчики различного размера (4 экз.), бусины (2 экз.), полусферическая бляшка-нашивка, серьги с лазуритовыми дисками (2 экз.), стеклянные бусы – шарообразные и двойные восьмеркообразные (более 80 экз.), сердоликовые бипирамидальные бусы (4 экз.), лазуритовые ромбические подвески (4 экз.), перламутровые пластинчатые подвески подтреугольной и ромбической форм (4 экз.), железный нож с остатками деревянных ножен, неорнаментированный фрагмент керамики
17	К. 10, п. 3	Альчики (3 экз.), перламутровая пластина
18	К. 10, п. 4	Находок нет
19	К. 17, п. 1	Плоские овальные бусины (3 экз.), цилиндрические подвески (2 экз.), перламутровые пластины (2 экз.)

Погребения мужчин отличает разнообразный ассортимент сопроводительного инвентаря, при этом одно погребение было безинвентарным. В мужских погребениях различные предметы вооружения в совокупности имеют максимальную частоту встречаемости, значительно превосходя остальные. Украшения при этом представлены в минимальной степени, что наиболее ярко контрастирует с женскими и особенно детскими погребениями. Кроме того, только с мужскими погребениями связаны находки

двух сабель и панцирного доспеха (остальные категории находок известны также в женских и детских погребениях).

Погребения взрослых женщин отличает максимальное разнообразие сопроводительного инвентаря при отсутствии безинвентарных погребений. Наиболее часто встречаются украшения и железные ножи. Кроме того, именно в женских погребениях обнаружена большая часть эксклюзивных находок (встреченных в единственном экземпляре на могильнике).

Из 19 детских погребений некрополя 7 не имели сопроводительного инвентаря. Погребения детей отличает минимальное разнообразие ассортимента сопроводительного инвентаря при значительном количестве безынвентарных погребений. Поэтому можно сказать, что в целом детские погребения имеют обедненный сопроводительный инвентарь. Однако при этом основной и резко выраженной по частоте встречаемости категорией находок в детских погребениях являются украшения. Они обнаружены в 11 детских погребениях, что составляет 57,9 % от общего количества детских погребений, 91,6 % от детских погребений с инвентарем. Остальные категории инвентаря существенно уступают украшениям по частоте встречаемости. Только в одном случае в детском погребении обнаружен наконечник стрелы, который можно отнести к предметам вооружения. Близкие черты погребальной обрядности детей зафиксированы и в могильнике Санаторный-1 [Савинов и др., 2008. С. 112–113] а также других могильниках южнотаежного Приобья начала II тыс. н. э. [Комова, 2010].

Нет ни одного признака погребальной обрядности, который был бы зафиксирован во всех насыпях или во всех погребениях могильника. В то же время можно говорить о неких наиболее часто повторяющихся чертах (признаках) погребальной обрядности могильника ТК-2. В зависимости от того, что принимается за таксономическую единицу при анализе погребальной обрядности – могильник в целом или отдельное погребение, выстраиваются две стратегии (2 варианта) реконструкции погребальной обрядности: 1 вариант – «усредненный» с акцентом на выявление общих черт погребальной обрядности могильника как некоего единого погребального пространства; 2 вариант – детализированный, с акцентом на индивидуальность каждого погребения.

В общих чертах могильник ТК-2 проявляет значительное количество сходных признаков погребальной обрядности с другими могильниками начала II тыс. н. э. из южнотаежного и лесостепного Приобья, такими как Усть-Алеус VII [Молодин, Соболев, 1979]; Березовый остров-1, Высокий Борок, Крохалевка-13, Быстровка-1 [Адамов, 2000. С. 17–20], Санаторный-1 [Савинов и др., 2008. С. 109–113].

В целом могильник ТК-2 имеет следующие черты погребальной обрядности. Это захоронения под курганными насыпями, большинство из которых возникли в ходе неоднократных подзахоронений разнополых и разновозрастных умерших, при наличии и индивидуальных насыпей. В результате имеются различные формы насыпей могильника – округлые, овальные, вытянутые. Погребения совершались на уровне материка или в неглубоких могильных ямах. Все они выполнены по обряду труположения на спине, с вытянутыми руками, расположенными в основном вдоль туловища, с ориентацией головы на СВ (вниз по течению Оби на данном участке). Очевидно, над погребениями сооружались какие-то прямоугольные в плане деревянные конструкции. Зафиксированные размеры надмогильных конструкций – 3 × 3 и 4,5 × 4,5 м. Часто при погребении использовались берестяные полотноща, которыми покрывали умершего (возможно, что в бересту полностью оборачивали некоторых умерших). Зафиксированы также следы внутримогильных деревянных конструкций в виде деревянных плашек. Погребения сопровождалось достаточно разнообразным и богатым сопроводительным инвентарем.

Однако, учитывая этнокультурный контекст, в котором сформировался могильник, при анализе его погребальной обрядности необходимо акцентировать внимание не только на общем, но и на особенном (частном), так как именно в разнообразии деталей погребальной обрядности проявляется эклектичность этнокультурной картины бурной смены эпох и народов в южнотаежном Приобье начальных веков II тыс. н. э. Погребения с нетипичным для какого-либо могильника погребальным обрядом интерпретируются в основном как показатели иной этнокультурной традиции либо особого социального статуса погребенного, хотя могут быть и иные причины возникновения особенностей погребения, поскольку «...каждый знает, что ничто так не изменяется в зависимости от этнической принадлежности, возраста, пола, социального положения человека как похоронные обряды» [Геннеп, 2002. С. 134].

Особые конструктивные варианты представлены в насыпях № 1 и 3. Под насыпью № 3, на уровне материка, зафиксировано

9 небольших («столбовых») ям, расположенных по кругу диаметром 5,2 м. Эти ямы оконтуривают погребения № 1–4, где были похоронены три ребенка и женщина. Само наличие столбов, оконтуривающих по кругу данные погребения, с одной стороны, объединяет их в некую систему, а с другой – учитывая, что под насыпью № 3 были и другие погребения (взрослых), противопоставляет их остальным. Что лежит в основе этого противопоставления (возраст погребенных, их родственные связи или еще что-либо), пока не установлено.

Мы практически ничего не можем сказать о социальной структуре общества носителей басандайских культурных традиций. Поскольку «социальные отношения могут наблюдаться и описываться только в форме реципрокального [взаимного, симметричного] поведения лиц, в них задействованных» [Рэдклифф-Браун, 2001. С. 229], то, безусловно, они нашли отражение и в погребальной обрядности (действиях и представлениях живых по отношению к умершим). В связи с этим представляют интерес приведенные ниже наблюдения об особенностях организации погребального пространства в кургане 1 (погребение № 1) могильника ТК-2.

Методическим обоснованиям реконструкции социального статуса погребенного, основанной на анализе погребальной обрядности, посвящено значительное количество работ. Большинство исследователей при этом исходят из анализа дополнительных трудовых затрат при его погребении, превышающих, порой значительно, «необходимые» трудовые затраты (обзор литературы по этому вопросу см., например: [Иванова, 2002. С. 48]). Однако очевидно, что если говорить о социальном статусе в архаических обществах, тем более с неясной социальной структурой, то в погребальной обрядности он может быть декларирован не только дополнительными («избыточными») трудовыми затратами (что характерно, например, для обществ с существенной амплитудой социальной стратификации – погребения «царей», «вождей» и т. п.), но и иными формами. Так, особый статус погребенного может быть проявлен благодаря не только «избыточным», но и отличающимся от «типичных» для данного могильника признакам. В таком случае есть основания предполагать наличие особого социального

статуса у погребенного в кургане 1 (погребение № 1).

Данный объект можно условно назвать «погребением кузнеца». В средневековой археологии южнотаежной зоны Западной Сибири погребений с наличием кузнечных инструментов известно более десяти [Водясов, 2010]. В данном случае обратим внимание на отличия погребения в кургане 1 от остальных погребений некрополя по признакам погребальной обрядности. Они заключаются в расположении насыпи (периферия могильника), наличии рва вокруг погребения (единственный случай из исследованных насыпей), отсутствии прокала в насыпи (зафиксировано лишь в трех насыпях), максимальной глубине могильной ямы из зафиксированных на могильнике, преднамеренном положении в насыпь кузнечных клещей (в отличие от «стандартного» набора находок в насыпях). Кроме того, это самый старший (среди определенных) из погребенных на некрополе мужчин.

Совокупность отличий, безусловно, выделяет данный объект среди исследованных на некрополе, что можно связывать с особым социальным статусом погребенного. Ограниченность объема статьи не позволяет развить этот сюжет, однако отмечу, что особые, выделенные каким-либо образом погребения «кузнецов» и «литейщиков», широко представлены в различных этнокультурных традициях Евразии, начиная с эпохи бронзы; это отражает особый социальный статус представителей различных производств, связанных с термообработкой материалов вообще и металлов в частности (см., например: [Иванов, 1992. С. 21–22]).

Безусловно, значительную роль в погребально-поминальной обрядности носителей басандайской культуры играл конь. Отдельные, разрозненные, кости лошади присутствовали во многих насыпях некрополя. Кроме того, в одном случае (в насыпи кургана 2) обнаружен набор предметов конской упряжи. Данный признак погребально-поминальной обрядности фиксируется в могильниках южнотаежного Приобья начала II тыс. н. э. не часто, но все же не является уникальным [Зинченко, 2010]. Следует отметить, что погребение взрослой женщины в этом кургане отличается от остальных и набором сопроводительного инвентаря – в нем обнаружено максимальное количество эксклюзивных находок, в том числе бронзо-

вое зеркало и сердоликовый кабошон-печатка с гравировкой на арабском языке в зеркальном исполнении. Очевидно, что по совокупности признаков погребальной обрядности и сопроводительного инвентаря погребение в кургане 2 также выделяется в серии женских погребений некрополя.

Уникальный для могильника ТК-2 погребальный обряд погребения человека с тушей коня зафиксирован в кургане 3, погребениях № 6 «а» и «б». Над этими погребениями имелось надмогильное перекрытие в виде продольно расположенных деревянных необгоревших плах, что также выделяет их среди исследованных погребений.

С. Г. Росляков при анализе погребальной обрядности могильника Санаторный-1, наряду с погребением шкуры коня и отдельного погребения конского снаряжения, выделил два варианта захоронения целой туши лошади: «сопогребение лошади и человека в одной яме (а) и погребение лошади с вещами умершего в отдельной яме (б)» [Савинов и др., 2008. С. 112]. В нашем случае это еще один вариант погребения с тушей коня, при котором взнузданный конь помещался рядом, но отдельно от погребения человека. Конь при этом располагался слева от погребенного, был похоронен не в яме, а значительно выше уровня материка и с ориентацией головой аналогично человеку (на СВ).

Большая часть известных средневековых погребений с тушей коня в Южной Сибири датируется в интервале VI–X вв. н. э. и относится исследователями к погребальной обрядности тюркоязычных народов [Нестеров, 1990. С. 67–77]. В Новосибирском Приобье труположение умершего с целой тушей коня в погребениях VIII–IX вв. н. э. зафиксировано лишь в 2 случаях и только на одном могильнике – Чингис-2 (курганы 1 и 3) [Троицкая, Новиков, 1995. С. 138–153; 1998. С. 24, 97. Рис. 10, 6, 7]. Погребений первой трети II тыс. н. э., выполненных по обряду труположения с тушей коня, в Новосибирском Приобье гораздо больше, и они зафиксированы на разных памятниках. Кроме ТК-2, они обнаружены на могильниках Усть-Алеус-VII (погребение № 13) [Молодин, Соболев, 1979. С. 159. Рис. 1, 13; С. 161]; Березовый остров-1 (курган 8, погребение № 2) [Адамов, 2000. С. 17, 189. Рис. 42, 1]; Санаторный-1 (курган 2, погребение № 10; курган 19, погребение № 6) [Савинов и др. 2008. С. 112; С. 200. Рис. 71;

С. 233. Рис. 123]. Несколько погребений с тушей коня этого времени обнаружено и в Томском Приобье (Еловский курганный могильник I) [Плетнева, 1997. С. 76].

Характеризуя погребения с конем из могильника Санаторный-1, С. Г. Росляков связывает их с «определенными социальными особенностями погребальной практики», поскольку, по его мнению, «судя по размерам могил и составу инвентаря, захоронения коней сопровождали основные погребения этих курганов, принадлежащие, возможно, главам семейств...» [Савинов и др., 2008. С. 112]. Учитывая, что в могильнике ТК-2 захоронение мужчины-воина с конем уникально как по обряду захоронения, так и по набору сопроводительного инвентаря (за исключением сабли, набор категорий сопроводительного инвентаря, обнаруженного в погребении № 6 «а» кургана 3, не повторился ни в одном из других мужских погребений некрополя), следует считать, что мы имеем основания рассматривать его не столько как особо статусное, сколько отражающее иные этнокультурные традиции и связывать с влиянием погребальной обрядности тюркоязычного населения. Учитывая этнополитический контекст эпохи, не исключено, что пришлые носители тюркских культурных традиций обладали повышенным статусом в среде носителей басандайских культурных традиций. Вопрос соотношения статуса и этнокультурной принадлежности в полиэтничных средневековых обществах Евразии представляет особый интерес, но выходит за рамки данной работы.

В трех случаях (курган 3, погребение № 3; курган 10, погребение № 4; курган 11, погребение № 1) на дне могильных ям, под скелетом погребенного, были обнаружены крупные обломанные камни, расположенные в районе головы и стоп погребенного. Наиболее вероятно, что они служили постаментом для деревянного настила, на который был положен умерший. Использование камней в погребальных конструкциях для южнотаежного Приобья, где выходы камня крайне незначительны и связаны только с отдельными участками русла Оби, является редкой чертой и не зафиксировано в синхронных памятниках.

Таким образом, погребальная обрядность курганного могильника ТК-2 демонстрирует наличие как общих черт, вводящих его в круг других могильников басандайской

культуры первых веков II тыс. н. э. лесостепного и южнотаежного Приобья, так и специфических особенностей (на уровне отдельных элементов погребального обряда или отдельных погребений). Археологи, традиционно выделяющие археологические культуры и определяющие их ареалы по схожести признаков (в том числе и погребальной обрядности), применительно к басандайской культуре увидят во многом противоположную картину – в археологическом плане это, своего рода, «антикультура», погребально-поминальная обрядность которой характеризуется во многом не столько схожестью в определенных чертах (например, отдельные, маркирующие ее категории инвентаря), сколько многообразием, различием признаков. Однако в этом парадоксе нет ничего удивительного. Рассмотрев антропологические серии могильников Санаторный-1, Осинки и ТК-2, Д. В. Поздняков пришел к выводу, что в них «фиксируется ощутимая примесь морфологического комплекса, характерного для таежных популяций Западной Сибири, причем в могильнике Ташара-Карьер-2, расположенном на границе с таежной зоной, ее доля значительно выше» [Поздняков, 2008. С. 354]. Именно таким и должен быть «археологический облик» полиэтнического образования, объединенного одним культурным комплексом. Как и всякая археологическая культура эпохи средневековья, басандайская культура была полиэтническим образованием, включавшим как местные, так и пришлые компоненты. С особой очевидностью это нашло отражение в погребальных сооружениях и обряде захоронения, включающих грунтовые могилы, одиночные и коллективные, с конем и без него, так называемые «длинные» курганы, различное положение и ориентацию погребенных, использование дерева и бересты во внутримогильных конструкциях и т. д. И все это – при очевидной взаимовстречаемости основных, в том числе и специфических, категорий сопроводительного инвентаря. Некоторые различия в материалах Басандайки (Томское Приобье), Осинкинского могильника (Барнаульско-Бийское Приобье), могильников Санаторный-1 и ТК-2 (Новосибирское Приобье), скорее всего, объясняются принадлежностью этих памятников определенным субэтносам более крупной этнокультурной общности (или локальным

вариантам басандайской культуры), занимавшей, судя по известным сейчас памятникам, бассейн Верхней и Средней Оби – от предгорий Алтая до Томска.

Список литературы

Абрамович Д. И., Крылов Г. В., Николаев В. А., Терновский Д. В. Западно-Сибирская низменность. Очерк природы. М.: Госизд-во геогр. лит., 1963. 262 с.

Адамов А. А. Новосибирское Приобье в X–XIV вв. Тобольск; Омск: ТТИАМЗ, 2000. 256 с.

Водясов Е. В. Средневековые погребения с кузнечными инструментами на юге Западно-Сибирской равнины // Евразийское культурное пространство. Археология, этнология, антропология: Материалы докл. V (L) Российской (с международным участием) археол.-этногр. конф. студентов и молодых ученых. Иркутск: Изд-во «Оттиск», 2010. С. 307–309.

Геннеп А. ван. Обряды перехода: систематическое изучение обрядов. М.: Вост. лит., 2002. 198 с.

Зинченко А. С. Погребения с конской амуницией в Томском Приобье в эпоху развитого средневековья // Евразийское культурное пространство. Археология, этнология, антропология: Материалы докл. V (L) Российской (с международным участием) археол.-этногр. конф. студентов и молодых ученых. Иркутск: Изд-во «Оттиск», 2010. С. 316–318.

Иванов В. В. Кузнец // Мифы народов мира. Энциклопедия: В 2 т. / Под ред. С. А. Токарева. М.: Сов. энциклопедия, 1992. Т. 2: К–Я. 719 с.

Иванова С. В. Погребальная обрядность: дискурсивно-мировоззренческий аспект // Структурно-семиотические исследования в археологии. Донецк: ДонНУ, 2002. Т. 1. С. 45–54.

Колова Н. Г. Некоторые особенности детских погребений эпохи развитого средневековья на территории Томского Приобья // Евразийское культурное пространство. Археология, этнология, антропология: Материалы докл. V (L) Российской (с международным участием) археол.-этногр. конф. студентов и молодых ученых. Иркутск: Изд-во «Оттиск», 2010. С. 323–324.

Молодин В. И., Соболев В. И. О погребениях начала II тыс. н. э. в Новосибирском

Приобье (по материалам памятника Усть-Алеус VII) // Древние культуры Сибири и Тихоокеанского бассейна. Новосибирск: Наука, 1979. С. 158–162.

Нестеров С. П. Конь в культурах тюркоязычных племен Центральной Азии в эпоху средневековья. Новосибирск: Наука, 1990. 143 с.

Новиков А. В. Могильник начала II тыс. н. э. близ с. Ташара // Сибирские татары: Материалы I Сиб. симп. «Культурное наследие народов Западной Сибири» (14–18 декабря 1998 г., г. Тобольск). Омск: Изд-во ОмГПУ, 1998а. С. 50–51.

Новиков А. В. Новый памятник начала II тысячелетия н. э. в южнотаежном Приобье // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий: Материалы Годовой итоговой сессии Института археологии и этнографии СО РАН. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1998б. Т. 4. С. 326–329.

Новиков А. В. Работы Приобского отряда // АО 1998 года. М.: Эдиториал УРСС, 2000. С. 322–324.

Новиков А. В., Тишкин А. А. Зеркало из памятника Ташара-Карьер-2 (Новосибирское Приобье) // Торевтика в древних и средневековых культурах Евразии. Барнаул: Азбука, 2010. С. 79–83.

Павлинская Л. Р. Реки Сибири // Реки и народы Сибири. СПб.: Наука, 2007. С. 18–55.

Плетнева Л. М. Томское Приобье в начале II тыс. н. э. (по археологическим источникам). Томск, 1997. 350 с.

Поздняков Д. В. Антропологическая характеристика населения верхнего Приобья первой половины II тыс. н. э. // Савинов Д. Г., Новиков А. В., Росляков С. Г. Верхнее Приобье на рубеже эпох (басандайская культура). Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2008. 424 с. Приложение 1. С. 340–402.

Рэдклифф-Браун А. Р. Структура и функция в примитивном обществе. Очерки и лекции. М.: Изд. фирма «Восточная литература» РАН, 2001. 304 с.

Савинов Д. Г., Новиков А. В., Росляков С. Г. Верхнее Приобье на рубеже эпох (басандайская культура). Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2008. 424 с.

Смирнов Ю. А. Лабиринт: морфология преднамеренного погребения. Исследование, тексты, словарь. М.: Изд. фирма «Восточная литература» РАН, 1997. 279 с.

Троицкая Т. Н., Новиков А. В. Верхнеобская культура в Новосибирском Приобье. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1998. 150 с.

Троицкая Т. Н., Новиков А. В. Археология Западно-Сибирской равнины. Новосибирск, 2004. 136 с.

Троицкая Т. Н., Новиков А. В. Средневековый могильник у села Чингис // Средневековые древности Западной Сибири. Омск, 1995. С. 138–153.

Материал поступил в редколлегию 31.01.2011

A. V. Novikov

BURIAL PRACTICE AT THE TASHARA-KARIER-2 BURIAL GROUND

The article focuses on the burial customs of Tashara-Karier-2. This kurgan burial ground attributable to the mid 11th – early 13th centuries AD is one of the key sites of the Basandaika culture in the southern taiga zone of the Ob basin. General and specific traits of burial rites within the Basandaika culture are defined and their ethnic and cultural attribution is given.

Keywords: Southern taiga zone of the Ob basin, Middle Ages, burial ground, burial customs, weapon, horse harness, adornments.